

Ю Л И Я Р Е З Н И К

Бракованная

Юлия Резник

Бракованная

«Юлия Резник»

2022

Резник Ю.

Бракованная / Ю. Резник — «Юлия Резник», 2022

Всю свою жизнь Виолетта Сандалова жила по принципу «Вижу цель — не вижу препятствий». Вот почему когда ей поставили диагноз «бесплодие», она не стала впадать в уныние, а решила побороться с судьбой. И пусть ради этого ей пришлось обратиться к своему заклятому врагу, Кеше Когану. В конце концов, он доктор и просто обязан ей помочь! Вот только как быть с тем, что Коган воспринял её просьбу поспособствовать в вопросе продолжения рода буквально? Может, согласиться? Или бежать от этого бабника, влюблённого в неё, кажется, ещё с детского сада?

© Резник Ю., 2022

© Юлия Резник, 2022

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	26
Глава 7	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Юлия Резник

Бракованная

Глава 1

Он заболел. Однозначно. Без вариантов. Заболел так, что перед глазами плыло, и, наверное, пора уже было признать – амбулаторные карты он ни в жисть не допишет.

Тамерлан встал. В висках застучало. А пол под ногами качнулся.

– Ни фиги себе, – прокомментировал он. Как во сне, стащил через голову форменную медицинскую куртку, отмечая все новые и новые симптомы – боль в суставах, вялость и учащенный пульс. Отдышался. Потянулся к резинке на брюках – не мог же он ехать домой, в чем был. И именно в этот момент дверь ординаторской открылась. Коган резко обернулся. Проморгался, потому что чем стремительнее он двигался, тем сильнее отставала открывающаяся его взгляду картинка. Открыл рот. Моргнул снова. И даже головой потряс, отгоняя возникшее перед глазами видение.

– Привет, Иннокентий Сергеевич. Что это ты полуголый расхаживаешь?

К визуальным галлюцинациям присоединились и слуховые. Тревожный симптом. Возможно, ему стоило закинуться противовирусным, хотя как врач, он прекрасно понимал, что толку от всех этих арбидолов – ноль. Только если бы те сработали, как плацебо.

– Сгинь! – прохрипел он, яростно растирая горящее лицо ладонями.

– Чего? Кеш, ты в порядке?

К визуальным, слуховым и всем другим его галлюцинациям добавились обонятельные. Стоило Ветке к нему подойти, как Тамерлана с головы до ног окутало знакомым до боли ароматом. А потом на его раскаленный лоб легла ее прохладная ручка. Коган в блаженстве зажмурился и потянулся за этой узкой длинной ладонью, как котенок за мамкиной сиськой.

– Да ты же больной совсем!

– А ты реальная.

Да, наверное, в глазах Сандаловой он выглядел полнейшим придурком, но даже осознавая это, Там не мог прекратить бодать ее руку лбом и ластиться.

– Я хотела с тобой кое-что обсудить. А впрочем, неважно. У тебя фонендоскоп есть?

– Я гинеколог, Сандалова. Ты как думаешь? – по привычке поддел неожиданную гостью Коган, и только потом дошло: – А зачем тебе слушалка?

– Если помнишь, я тоже врач, – тоже по привычке обиделась та. – Вдруг у тебя хрипы? Ты, Кеш, реально хреново выглядишь.

Получается, Ветка правда здесь. И она правда собирается его «послушать». Губы Когана сложились в глуповатую ухмылку. Ну, просто кино! Ага, немецкое...

– Верхний ящик открой.

Даже в полубреду он отметил, как облепила юбка Веткину задницу, когда та склонилась к столу. Ящик выдвинулся и со стуком захлопнулся. Сандалова деловито вдела дужки в уши, будто делала это тысячи раз, и попыталась немного согреть в ладони металл головки. Толку от этого было немного – Тамерлан все равно вздрогнул, когда она приложила слушалку к его груди. Но ее заботу он оценил. Видать и правда он ей понадобился. Иначе с чего бы это все?

– Дыши. Не дыши. Дыши нормально. Так, а теперь спину.

Тамерлан послушно повернулся. Задрал лицо к потолку. Кто ж знал, что для того, чтобы Ветка его коснулась, нужно было всего-то заболеть?

– Ну, что, доктор? Какой будет диагноз? – спросил Там, когда Вета закончила.

– Жить будешь, – коротко отрезала та. – Ты домой собирался, я правильно поняла?

– Угу.

– Ну, тогда переодевайся. Отвезу тебя. Сегодня тебе садиться за руль не стоит.

– Спасибо, мамочка. А то я сам не знаю.

Ветка сощурила голубые бездонные, как море, глаза. Плохо скрывая мелькнувшее в них раздражение.

– И почему я с тобой вожусь? – покачала белобрысой головой. С возрастом ее волосы стали темнее, и теперь она была вынуждена их подкрашивать, ревностно храня легенду о натуральном происхождении своего блонда.

– Потому что тебе от меня что-то нужно, – хмыкнул Коган.

– Точно. – Сандалова закусила губу. Полную, красивую, наверняка подпитанную гиалуронкой по моде. – Ну, тогда подожду тебя в машине. Я прямо под воротами припарковалась. Сам дойдешь?

Признаваться в собственной слабости не хотелось. Даже несмотря на то, что с каждой секундой Тамерлану становилось все хуже.

– Да уж справлюсь.

– Ладно.

Ветка ушла так же стремительно, как и появилась. И если бы не ее духи, аромат которых пробивался даже сквозь заложенность носа, Тамерлан мог бы подумать, что ее пришествие ему просто почудилось.

Интересно все же, чем он обязан ее визиту? Ветка-то и звонила ему нечасто. Так, чтобы один на один, а не в общем с друзьями чате.

Там пожал плечами. И поплелся переодеваться. Вместо форменных штанов – брюки вполне обычные, со стрелками. Джемпер. Пальто. Ветка почему-то ненавидела, как он одевался. словно наутюженные стрелки или начищенные до зеркального блеска туфли были ее личными врагами.

Пока спускался по лестнице – упарился. Видно, температура поднималась. Осторожно обходя лужи, добрал до ворот. Зима в их приморском городе в этом году была снежной. Снег выпадал и тут же таял, превращая дороги в реки.

Хенде Гетц Сандаловой был припаркован, как она и обещала, у ворот. А вот ее самой у машины не оказалось. Чуть поразмыслив, Коган забрался внутрь. Стоять на своих двоих было все сложнее. Печка в машине работала на всю мощь, и ему тут же стало еще жарче, чем было. В поисках блаженной прохлады он прислонился лбом к окну и, кажется, ненадолго выпал из реальности.

Первым, что он услышал, возвращаясь в сознание, было обеспокоенное Веткино:

– Слушай, может, тебя отвезти в стационар?

– Где ты была? – задал встречный вопрос Коган.

– В аптеке. Купила тебе лекарств. Но теперь думаю, этого недостаточно.

Серьезно? Сандалова купила ему лекарства? В лесу умер последний лось? Иначе как объяснить, что самая эгоистичная женщина, из всех кого он когда-либо знал, решила о нем позаботиться? На всякий случай Там открыл глаза. Мелькнула мысль, что это какой-то очередной прикол. Что она над ним просто издевается! Как издевается всякая королева красоты, над по уши влюбленным в нее ботаном. Но... Нет. Беспокойство, написанное на красивом лице Сандаловой, было вроде бы искренним. А может, он просто ни черта уже не соображал и выдавал желаемое за действительное.

– Просто отвези меня домой.

Адрес можно было не называть. Они с Веткой знали друг друга всю жизнь. И до сих пор продолжали общаться. По большей части через общих друзей, ага. Пока ехали Ветка умудрилась влететь в несколько ям. Тамерлан на своем Ренж Ровере их бы даже не заметил. Но для крошки Гетца это было слишком.

- Слушай, а чего тебе никто не купит нормальную машину?
- В смысле – никто?
- Ну, не знаю... Любовник. Тачка – это ж самый верный подарок, не?

Машина резко заглохла. По инерции Там дернулся вперед, а потом его снова отбросило в кресло. Коган жалобно ухнул. В голове ударили молоты. Высекая в мозгу навязчивый вопрос – а не перешел ли он какую-то невидимую границу? Не вторгся ли туда, куда не имел права? Было очень похоже на то. Но ведь они с Веткой и раньше обменивались уколами. Гораздо более серьезными и язвительными. Тогда почему же он почувствовал ее уязвимость только теперь? И ярость, которая, он готов был поклясться, исходила от Ветки волнами. Там даже отшатнулся, опасаясь, как бы она не вцепилась ему в лицо. Но уже очень скоро понял, что ничего подобного Сандалова делать не собиралась. Вместо этого она спокойно завела машину и, как ни в чем не бывало, заметила:

- Знаешь, ты прав. Я обязательно ему намекну.

Интересно, если бы он купил ей, допустим, Лексус, на сколько бы хватило ее благодарности? Только не подумайте, что Сандалова из этих... Нет. Просто она всегда ищет, где потеплей да повыгодней. Она даже замуж вышла по расчёту. За их общего с Коганом друга Митьку Сивакова, сына начальника местного УВД. Расчет был простой. Ветка надеялась, что родственные связи помогут ее проворовавшемуся отцу-губернатору отмазаться от срока. Но за того принялись весьма серьезные люди. Против которых местные оказались бессильны. А может, не сильно они и старались, опасаясь каждый за свою задницу. Присел Веткин отец надолго. Да и ее брак просуществовал почти десять лет.

- Приехали.
- Угу...
- Там, ты сам-то дойдешь?
- Угу. Дай только собраться с силами.
- Горе луковое. Пойдем, я тебя провожу. Ключи где?
- Что?
- Дай ключи, говорю! Слушай, может, позвонить Саре Измайловне?
- Лучше сразу меня пристрели, – пробормотал Там, едва ворочая языком. Ветка хохотнула:
- Что, достала тебя мать?
- Ты даже не представляешь, как.

Несмотря на всю свою любовь к Саре Измайловне, хороший еврейский мальчик Кеша Каган все же предпочитал любить ее на расстоянии. Ведь стоило ему хоть немного подвинуть личные границы в угоду матери, как та тут же бросалась в наступление по всем фронтам. Ну никак ей не удавалось понять, что он уже слишком взрослый, чтобы цепляться за ее юбку!

Там тяжело вздохнул. Оперся на Ветку. Грех было не воспользоваться таким случаем. Ну, когда он еще сможет шагать с ней вот так, закинув руку на плечи? Касаясь будто бы между делом носом ее шикарных волос, скользить невзначай пальцами по рукаву куртки, представляя, что ее нет. Что ни говорите, а болезнь определенно этого стоила! И, да, он – жалкий, кто ж спорит?

- Обопрись о стену, пока я открою дверь.

Там хотел было спросить, зачем она к нему пришла. Но вовремя сумел сдержать свое любопытство. Иначе у него не осталось бы повода ей позвонить, когда он поправится. А прямо сейчас он был вообще ни на что не годен. У него даже не стоял. Хотя обычно, стоило Ветке появиться в его поле зрения, как с ним случался такой стояк, с которым в приличном обществе ему приходилось туго. А ну-ка попробуй, скрой! Коган был как та несчастная собака Павлова. Поначалу его это жутко бесило, потом раздражало, а после он просто смирился. И принял происходящее, как есть. Потому как отрицать это в себе было все равно что отрицать цвет глаз,

национальную принадлежность или то, что ему сделали обрезание, как то и велят традиции, аккурат на восьмой день жизни.

Если бы Ветка знала, сколько раз он дробил на ее светлый образ в школе, да и, чего греха таить, после, она бы точно поостереглась оставаться с ним наедине.

– Я пойду, лягу.

– погоди, сниму покрывало. Ты, что, каждое утро заправляешь кровать?

– Ну, да. А что в этом такого?

– Что такого? Эм-м-м, ну, не знаю. У тебя слишком чисто. Ты что – маньяк?

Ага. Маньяк. Но повернутый вовсе не на чистоте.

– Раздеться сможешь?

– Нет, я что-то совсем без сил. Так лягу.

– Ладно. Я помогу. Просто подними руки.

Вау... Она его раздевала. Жаль, что ему и впрямь становилось все хуже. Чувства припустились. И даже касания Ветки ощущались далеко не так остро, как в его мечтах о ней. С охватившей его усталостью могли соперничать лишь сонливость да ломота в теле.

Тамерлан машинально отметил, как ловко она стянула с него свитер, приревновал, мол, это на ком же она так натренировалась? А потом Ветка решительно взялась за ремень его брюк, и вся злость, все посторонние мысли тут же улетучились из его головы. Он замер, как соляной столп и стоял, не дыша, пока ветка расстегивая его ширинку.

– Он бы встал. Если бы у меня были силы, – посчитал нужным уточнить Тамерлан, оседая на постель. С губ Сандаловой слетел испуганный смешок. И, кажется, она ляпнула что-то вроде:

– Не увижу – не поверю.

Но он не стал бы утверждать, что это ему не почудилось. Потом Ветка его еще зачем-то будила. Ах да! Дать таблетки. Как она сказала? Я же врач? Ага... Так и есть. Врач-косметолог. Говорят, неплохой.

Тамерлан очень удивился, когда Ветка после одиннадцатого класса решила поступать в медицинский. Это был слишком сложный ВУЗ для такой легкомысленной девушки, как Сандалова. К тому же она была напрочь лишена всех тех качеств, без которых хороший врач вряд ли мог состояться. Тем удивительней и парадоксальней было то, что зная обо всех ее недостатках и понимая, что рядом с ней ему ничего не светит, Тамерлан так отчаянно, так остро ее любил еще с гребанного детского сада.

Она ж, вон, даже не знала, что арбидол – это фуфлوميцин.

А он знал. Но почему-то послушно открывал рот, когда она предлагала ему таблетки. И пил воду из ее рук. Удивляясь, что она еще не ушла. Хотя электронные часы на колонке показывали начало пятого утра. Видно, у нее к нему действительно очень серьезное дело. Очень! Интересно, что бы это могло быть? В очередной раз напившись, Коган беспокойно перевернулся на бок, а после вскочил, как ужаленный.

– Ты беременная?!

Глава 2

– Чего? – Вета удивленно моргнула, глядя в черные затуманенные горячкой глаза Тамерлана. Его вопрос был таким неожиданным, что охватившую ее сонливость сняло как рукой.

– Ты беременная? Хочешь встать ко мне на учет, да? Ты за этим ко мне приходила?

Вета сощурилась, на миг решив, что Коган опять над ней издевается. Но очень быстро отказалась от этой идеи. Не в том он был состоянии.

– Нет. Я пришла по другой причине. Кстати, тебе лучше еще поспать. Температура опять поднимается.

– Ты уверена?

– Да. Я ее две минуты назад измеряла. Нашла градусник у тебя в шкафу. Извини, пришлось похозяйничать.

– Я не о температуре!

– А о чем?

– Ты уверена, что не беременна?

Там говорил невнятно, будто в бреду. Вряд ли он отдавал отчет своим словам и вопросам. И уж тем более вряд ли бы он запомнил ее ответ. Вот поэтому Ветка и выложила ему, как на духу:

– Если только от святого духа.

– Так и запишу в карту – наличие половой жизни отрицает.

– Я не отрицаю, я, скорее, агностик, – усмехнулась Сандалова, и на секунду ей показалось, что тонкие четко очерченные губы Когана тоже дрогнули. Но, скорее всего, конечно, такого не могло быть. Обычно приветливый с другими женщинами, с ней Коган вел себя как полнейший придурок. Заносчивый до жути. Надменный. Острый на язык. И до того язвительный, что в его обществе Вета предпочитала помалкивать, чтобы не нарваться на очередное саркастическое замечание или еще один нелестный комментарий. Самым обидным в этом всем было то, что Вета, как ей казалось, совершенно не заслуживала такого обращения. За всю свою жизнь она ни слова плохого ему не сказала. Тогда в чем он ее винил? В том, что она, догадываясь о его чувствах, не сумела на них ответить? Так ведь Виолетта Сандалова была первой красавицей школы. Тогда как влюбленный в нее Кеша Коган, кажется, до одиннадцатого класса вообще отставал в развитии. Маленький, ниже ее чуть ли не на две головы, дистрофично худой, с непропорциональными чертами лица – большими носом и ушами, он мало походил на героя девичьих грез. С таким же успехом Коган мог окрыситься на любую другую девчонку в их классе – популярностью он не пользовался ни у одной из них. Но... Но! Под раздачу попала Вета. И, что особенно смешно, за пятнадцать прошедших с той поры лет ничего не изменилось. В плане его отношения. Сам же Тамерлан (это прозвище приклеилась к Когану еще лет в двенадцать) прошел через потрясающую трансформацию. Буквально за одно лето он вытянулся, возмужал и до того похорошел, что придя первого числа в универ, Ветка его попросту не узнала.

Впрочем, не сказать, что он стал таким уж красавчиком, просто... На вытянувшемся теле его голова уже не казалась такой большой. Он будто весь синхронизировался. Резкие черты лица обрели законченность и какую-то совершенно Фаустовскую притягательность. Добавьте к этому хорошо подвешенный язык, и вы поймете, почему уже на первом курсе Коган стал пользоваться просто бешеной популярностью у девчонок. А к шестому он перетрахал едва ли не весь поток. Но всех этих побед, очевидно, оказалось недостаточно, чтобы справиться с комплексами гадкого утенка и потешить его непомерно раздутого эго!

Коган уснул. Вета встала и подошла к окну. Может, зря она здесь осталась? Хотя, с другой стороны, а какой у нее выход? При всех его минусах, у Когана было одно несомненное

достоинство. Он был лучшим гинекологом, специализирующимся на бесплодии, из всех, что она знала. Выбирая между своей гордостью и возможностью стать матерью, Вета без колебаний выбрала последнее. Впрочем, она соврала бы, если бы сказала, что решение обратиться к Тамерлану, как к специалисту, далось ей легко. Нет... Вета боялась вручить ему новое оружие против себя. То оружие, воздействию которого она вряд ли смогла бы противостоять. Пошутит он на счет ее неспособности родить... Нет-нет, такое никогда не случится. Все же Коган – специалист высочайшего класса.

Вета потеряла лицо. Она умылась, когда Там уснул. С обычным мылом. А после даже не воспользовалась кремом. Это дома она бы смыла макияж специальной пенкой, потом потерла бы лицо тоником, нанесла сыворотку и три вида крема – отдельный на веки, лицо и зону декольте, а тут варварство сплошное, ага... Может, у него хоть детский крем найдется?

Вета вернулась в ванную. Открыла ящички, в которых царил ненормальный стерильный порядок. Нет, она тоже не была грязнулей, но каким психом надо быть, чтобы выстроить все баночки по размеру? Крем нашелся. Жирнющий Nivea, который производители рекомендовали использовать в непогоду. Вета намазала лицо, локти, руки. Не сдержав любопытства, сунула нос и в другие ящички. В последнем отыскала огромную коробку презервативов. В которой осталось всего три неиспользованных. По всему, личная жизнь Когана была ключом до сих пор.

Вета сунула коробку обратно. И почему-то излишне резко задвинула ящик на место. Если верить сплетням, в постели Коган был настоящим зверем. Поймите правильно, не то чтобы она этим интересовалась, но когда вокруг этого ходит столько разговоров, нет-нет, что-то и дойдет... Если честно, в глубине души Вета к этим легендам относилась с большим недоверием. Уж слишком Коган был самовлюбленным для того, чтобы позаботиться о ком-то, кроме себя. И слишком брезгливым, чтобы удовлетворить женщину орально. Потому что только так женщина и может испытать удовольствие, а все эти рассказы о вагинальном оргазме – не более чем красивая легенда.

Ну, надо же, какой оборот приняли ее мысли! Наверное, все дело в том, что у нее давно никого не было. И уж тем более того, кто бы захотел удовлетворить ее ртом. Тамерлан наверняка бы здорово удивился, если бы узнал, что у нее, после развода, не было секса. Что ей его даже не хотелось. Митька отбил все желание напрочь один раз по пьяни обозвав бракованной. Намекал он на то, что у Веты никак не выходило забеременеть. И самое смешное, что на утро он напрочь обо всем забыл, а ее те слова мужа преследовали даже после развода.

Сандалова глубоко вздохнула. Проверила еще раз Тамерлана, достала из его шкафа первую попавшуюся футболку и, переодевшись, улеглась на диване в гостиной. Уснула Вета на удивление быстро. А проснулась от того, что кто-то настойчиво звонил в дверь.

Наверное, она совершила ошибку, открыв. Но Вета не сразу сообразила, как может выглядеть ее появление в таком виде.

– Вы кто такая?! – воскликнула девица, шагая в приоткрытую дверь.

– Я? Эм... Врач! – выпалила Сандалова, прикидывая в уме, каковы ее шансы уцелеть, если гостья решит вцепиться ей в волосы.

– А это, очевидно, ваша униформа? – девица пожевала жвачку и уличающе ткнула пальцем в надетую на голое тело футболку. Вета сглотнула. И не находясь с ответом, проямлила неразборчивое:

– Эм...

К счастью, в тот же миг за ее спиной послышались шаги, и хриплый голос Тамерлана заметил:

– Ляля? Ты чего здесь делаешь?

Как же вовремя он проснулся! «Вот пусть теперь и объясняется», – подумала Вета. Она не собиралась принимать удар на себя и участвовать в этом фарсе. В конце концов, ее вины в происходящем не было.

– То есть как это, что?! Мы вчера договорились встретиться. Я тебе звоню-звоню...

– А, да. Извини. Я заболел. Так что, если ты не хочешь заразиться, лучше бы тебе поскорее уйти.

– Но я же...

– Потом как-нибудь созвонимся, ага? Вирус правда ужасно заразный. У нас все отделение слегло, – не слушая возражений госты, Там попытался оттеснить девицу к двери. Но та не собиралась сдаваться так просто:

– Ты, что ли, из меня дурочку делаешь?!

– Почему дурочку? – деланно удивился Коган.

– Думаешь, я не понимаю, что ты мне изменил?!

– С кем это?

– Вон с той! К ней что, зараза не липнет?

– К Виолетте Юрьевне? Нет, конечно. У нее иммунитет.

– Да ты... ты... Скотина. А вы?! Думаете, с вами он по-другому поступит?! Ха!

Губы девицы дрожали. Вете было ее почти жалко. Девчонка явно старалась произвести впечатление. Надела капронки – в такой-то промозглый холод, и мини. Хотя бы за эти усилия он мог бы быть с ней поласковее!

Едва за девицей закрылась дверь, Вета обернулась:

– Ты правда повел себя как козел.

– Пожалуйся в Гринпис. – Коган крутанулся на пятках и, пошатываясь, побрел к кухне. Чтобы не злиться на Когана так уж сильно, Вета постаралась себя убедить, что его грубость вполне могла быть вызвана плохим самочувствием.

– Просто она совсем молоденькая. И эта ситуация могла ее ранить. Ты взрослый. Мог бы сам догадаться. Она же явно решила, что ты ее предал.

– Не перекладывай свою вину на меня.

– Чего? – выпучила глаза Сандалова.

– Не останься ты ночевать, ничего бы подобного не случилось.

Вета даже рот открыла. И это вместо благодарности за то, что она всю ночь с ним возилась?!

– Ну, знаешь... Я и впрямь лучше пойду.

– Не так быстро. Думаю, нам стоит обсудить компенсацию.

– За что?

– Ну, как же... Из-за тебя я лишился девушки. А значит, и секса на ближайшие дни.

Вета сглотнула. Снова открыла и закрыла рот, но ответ все равно не шел.

– Ты серьезно? Это же бред какой-то...

– Ничего себе – бред! У меня из-за тебя личная жизнь рухнула. Кто за это ответит, м-м-м?

– Я не собираюсь это выслушивать. Твои обвинения нелепы. Пойду, оденусь.

Вета прошмыгнула мимо Тама, сделав вид, что не замечает его похотливого взгляда и дубины в трусах, которая на миг прижалась к ее бедру, когда она проходила мимо. Видно, Когану и впрямь стало лучше. Интересно, это утренний стояк? Или он до такой степени был рад видеть эту Лялю? Что он вообще в ней нашел?

– Значит, ты отказываешься от выплаты... эм... компенсации?

– Если ты правда подумал, что я на это соглашусь, то тебе хуже, чем я думала. Рекомендую вызвать врача.

– Зачем? Если нас тут двое.

– Затем, что я ухожу.

– Да ладно. Ты чего? Шутки не понимаешь? Пойдем, я тебе кофе сварю.

– Да ты же едва на ногах стоишь!

– Тогда свари ты. В чем проблема? – устало усмехнулся Коган.

– У вас правда все отделение слегло?

– Правда-правда. Я две недели отдувался за всех, прежде чем самого накрыло.

– Так вот почему я не смогла к тебе записаться.

Тамерлан замер. Все еще в одних трусах, он каким-то немыслимым образом умудрялся выглядеть преисполненным достоинства.

– Ты хотела ко мне записаться?

Ну, вот они и перешли к главной теме. Вета разволновалась.

– Да. На прием.

– Так ты все-таки беременная?

– Слушай, ты так и будешь расхаживать полуголым?

– А что тебя смущает? Я все равно сейчас вернусь в кровать.

Что ее смущает? Ну-у-у, многое. Им предстоял довольно сложный разговор. А это все... отвлекало. Да, пожалуй, так. Вета смотрела на него и думала, что в отличие от ее бывшего мужа, который был ровесником Когана, тот ничуть не располнел. Не облысел, и не обрюзг. Скорей, напротив. Высох. Заматерел. Он с виду был таким твердым, что невольно возникало желание его потрогать, дабы убедиться – такой ли он на ощупь, как с виду.

Вета отвернулась.

– Нет. Я не беременная. Но очень этого хочу. В смысле, я хочу, чтобы ты помог мне... Забеременеть.

– Не уверен, что готов стать отцом. Но, если кто меня и способен в том убедить, то это – ты. – В и без того хриплый от болезни голос Когана добавились еще более царапающие нотки.

Вета с силой сжала кулаки. Потому что произошло то, чего она так боялась. Он даже слушать ее не стал. Просто посмеялся... Она сглотнула собравшиеся в горле слезы. Развернулась и, понутив голову, пошла прочь.

– Эй, ты куда?

– Выйди. Я оденусь. Мне уже пора.

– погоди, а как же «я хочу, чтобы ты мне помог»? – возмутился Коган.

– Ты ж не готов стать отцом, – разочарованная донельзя, Вета решила, что будет лучше ему подыграть. Но ее голос дрогнул. И он, видно, что-то такое понял, что заставило его схватить ее за руку. Вета дернулась, высвобождаясь.

– Отпусти!

– И не подумаю.

– Зря я к тебе пришла.

– Ну, допустим, об этом еще рано судить. Давай, выкладывай, что там у тебя. И... – Там сглотнул, откашлялся, будто не в силах выдавить из себя те самые слова: – Пожалуйста, извини, прежде чем шутить, я должен был прояснить ситуацию.

Он выглядел злым, но раскаявшимся. Вета тяжело вздохнула – похоже, он не оставил ей выхода.

Глава 3

Оттягивая неизбежное, Вета решила воспользоваться предложением Когана и приготовить кофе. На автомате выставила программу – он пил капучино с таким количеством сахара, что то превращалось в сироп. Себе сделала двойной эспresso.

– Так что с тобой? Не томи. Я, кажется, опять отъезжаю.

– А ты выпил таблетки?

– Слушай, Сандалова, да до сраки твой арбидол.

– Идиот, – покачала головой Вета. – Я тебя вообще-то жаропонижающими отпаивала. У тебя температура под сорок фигачила.

– А-а-а. Ну, в смысле...

– Невысокого ты обо мне мнения, правда?

– Нет, но...

– Может, в отличие от тебя, я и не проходила стажировок в каких-то суперпрестижных клиниках, и не публиковалась в The Lancet, но, знаешь, в своей сфере я на хорошем счету! Может, для тебя это будет сюрпризом.

– Хм... Ясно. Где, говоришь, таблетки?

Вета резко обернулась. Коган сидел на барном стуле, зябко поджав пальцы на ногах, и выглядел при этом настолько непривычно взъерошенным и помятым, что ее злость так же быстро схлынула, как и накатила. Вете он напомнил нахохлившегося воробья.

– Сиди уж. Я сама принесу, – вздохнула она устало. Пошлепала в спальню, взяла початую коробочку ибупрофена и открыла комод в поисках носков. Коган мог сколько угодно расхаживать в трусах, раз ему так нравилось, но вот ноги он будет держать в тепле!

В комоде Тама, как и повсюду в его квартире, царило сущее безобразие. Вета даже рот открыла, разглядывая аккуратно сложенные, каждые в своей ячейке, трусы. Одинаковые боксеры насыщенно-голубого цвета. Недоверчиво покачав головой, Сандалова открыла следующий ящик, в котором так же была предусмотрена отдельная система хранения. На этот раз для носков. Ради интереса Вета случайно развернула несколько пар. Носки были одинаковыми. Один цвет, одна длина, один производитель. Да он же псих! Сто процентов, повернутый.

– Вот. Надень.

– Я не согнусь, – противореча сам себе, Там сложил руки на барной стойке и опустил на них голову. Вета с шумом втянула воздух. Мужики, как дети! А болящие мужики... сущее наказание. Вот за что ей это все?

– Так, ладно. Я помогу. Но знай, тебе это дорого обойдется.

Вета опустилась перед Коганом на колени, схватила его длинную ласту (средний палец у Когана был значительно длиннее большого) и взялась натягивать на нее носок. Там поднял голову и удивленно на нее уставился.

– Ты могла этого не делать.

– Мне несложно, – отчего-то смутилась Вета. – Ого! Уже восьмой час, мне скоро на работу, а я еще дома не была!

– Ты так толком и не объяснила, зачем приходила.

– Ну, главное я сказала. Я хочу ребенка... А детали, полагаю, лучше обсудить, когда ты поправишься.

– Не думаю, что нам стоит терять время. Пока я болею, ты могла бы уже сдать анализы.

– Ладно. – Вета отвела волосы от лица. – Что тебе нужно знать?

– Давай начнем с жалоб.

Вета сглотнула.

– Ну, допустим, жалоба у меня одна – я не могу забеременеть.

– В течение которого срока?

– Хм...

– Меня интересует, в течение какого срока активные попытки забеременеть не дают своего результата.

Она, конечно, понимала, какие вопросы он будет задавать, но почему-то оказалась совершенно не готова на них ответить.

– В последнее время не очень активно. Я... в смысле, вообще не активно.

– Окей. Спрошу иначе. Когда у тебя в последний раз был незащищенный половой акт?

– Не помню. Может быть, пару лет назад. – Вета старалась держаться максимально естественно. Сосредоточившись на том, что Коган – врач, а она вроде как у него на приеме. Но выходило не очень.

– Тогда на чем основаны твои предположения о том, что ты не можешь забеременеть?

– До этого мы с бывшим мужем пытались это сделать несколько лет. И ничего не вышло.

– Уверена, что дело в тебе?

– Да. Я проходила обследование. У меня в трубах обнаружили спайки.

– Лечилась?

– Конечно. Постой, у меня же с собой карта! – Вета вскочила, выбежала в коридор, где бросила свою сумку, и вернулась с толстенной тетрадкой. Тамерлан поморщился, прежде, чем взяться за ее изучение.

– С тех пор прошло почти три года.

– Ну, да.

– И больше ни одной записи? – черная бровь Когана взлетела вверх.

– Угу. Как видишь...

– Ты не была на приеме у гинеколога три года? – К окончанию фразы голос Тама совсем стих. Вета поерзала, чувствуя себя дура-дурой. – С таким диагнозом?

– Ну, я развелась и...

– И что? Махнула на себя рукой?! Да ни один мужик не стоит этого. Ты... У меня даже слов нет. Ты же врач! Какого черта?

– Там, прекрати. Я пришла не за нравоучениями. Скажи лучше... – Вета пожевала губу, – ты мне сможешь помочь?

– Только я и смогу, – рявкнул он. Такой весь из себя до чертей самоуверенный! В обычной ситуации это бы непременно ее взбесило. Но прямо сейчас Ветка смотрела в его пылающие глаза и понимала, что да... Так и есть. Только он и сможет. Как зачарованная, она отвела от лица пряди и засмеялась сквозь слезы:

– Хорошо. А мне как этому посодействовать?

– Какой, говоришь, у тебя день цикла? – Вета ответила. Там что-то прикинул в уме, погнал ее за блокнотом и ручкой. А когда Вета принесла, быстро-быстро что-то в нем застрочил изумительно четким, практически каллиграфическим почерком, который ломал все существующие стереотипы о том, как пишут врачи. – Вот эти гормоны ты сдашь сегодня. И на TORCH. Я договорюсь. Эти... – Там сверился с календарем, – в четверг. Тогда же сдашь общий анализ крови. Надеюсь, к понедельнику я смогу вернуться к работе. Подъедешь к семи. Не опаздывай. Запись у меня адская. Сделаю УЗИ и гистеросальпингографию.

– Это обязательно?

– Ты хоть представляешь, что с твоими трубами могло случиться за три года? – Там зло сощурился. Вета сглотнула.

– Ладно.

– Напомни, чем ты предохраняешься в данное время. Гормоны? Барьерные или...

– Ничем, – выпалила Сандалова, сгребая пустые чашки с барной стойки.

– В каком смысле? Ты же сказала, что последний незащищенный половой акт у тебя был еще в прошлой жизни!

Ветка грохнула чашки в раковину. Оперлась на столешницу двумя руками, опустила низко-низко голову. Черт с ним! Пусть думает о ней, что хочет.

– Именно так я и сказала.

За спиной воцарилось оторопевшее молчание. Что, Кеша? Скушал? М-м-м?

– Ты не трахалась два года?

– А этот вопрос действительно относится к теме моего обращения?

– Мы не в моем кабинете!

– Это ничего не меняет, Там.

– Черт! Просто... Наверное, мне трудно разделить личное от профессионального. Мы же друзья.

– Мы? Друзья? Знаешь, я как-то слабо могу представить, что ты задавал такие вопросы Мариам или Юльке Быковой.

– Думаешь, ты какая-то для меня особенная?

– Угу. Особенная. Девочка для битья. Что с тобой не так, Коган? Никак не простишь, что я не ответила на твои чувства в школе? – Вету понесло куда-то не туда. Она это понимала, но никак не могла остановиться. – Так вот, если тебе от этого станет легче, знай – я, если чем кого и обидела, уже сто раз за это поплатилась. Нет, тысячу... Да что я перед тобой мечу бисер? Пошел ты! И направления свои в жопу засунь... Не нужны они мне.

Подхватив свою сумку, Вета в чем была помчалась к двери, но была перехвачена самым бесцеремонным образом на полдороги.

– Отпусти меня!

– Ни за что.

– Я буду орать, – зло зашипела Сандалова.

– Ори. Мои соседи привычные.

– Ты часто мучаешь женщин? Почему я не удивлена?

– Нет. Напротив. Я делаю им хорошо.

И снова она округлила рот. И снова не нашла, что сказать. Смотрела тупо на его покрытый густой черной щетиной подбородок, на красивые губы и не могла выдавить из себя ни одного чертового слова.

– Какой же ты выпендрожник, Коган. Сколько тебя знаю – цены себе не сложишь.

– И это говоришь мне ты? Я-вся-такая-из-себя-королева-красоты?

– Знаешь, наверное, это и впрямь бесполезно. Ничего у нас не получится.

– Это мне решать. Жду тебя на прием в понедельник. И направления на анализы все же возьми. Не нравятся мне твои перепады настроения. Гормоны явно сбоят.

Он был абсолютно... Совершенно невыносим. Вета рассмеялась и, привалившись спиной к стене, спрятала лицо в ладонях.

– Ну, вот! Говорю же. Ты явно не в порядке.

– Да с тобой любая с ума сойдет.

Сандалова бросила сумку в прихожей, не глядя на Когана, вернулась в комнату и взялась за свои брючки. На спине у нее глаз не было, но каким-то шестым чувством Вета поняла, что Тамерлан увязался за ней.

– Выйди. Я переоденусь.

– А чего я, собственно, здесь не видел?

– Здесь? Ничего не видел. Давай, вали.

– Все равно ж увижу. Во всех ракурсах.

– Я так и знала, что неспроста ты подался в гинекологию. Извращенец.

– Пока никто не жаловался.

– Если что, буду первой.

– Не будешь, – вздохнул будто бы с сожалением Коган. – Там я себе такого не позволю.

– Ты не представляешь, какое это облегчение.

Вета влезла в собственный брючки. А что? Нравится ему смотреть – пусть. Один фиг, ничего интересного не увидит.

– Я тебе так сильно противен?

Чего? Вета резко дернула молнию и обернулась. Коган глядел куда-то в сторону.

– Ты не противен мне. По крайней мере, пока молчишь. А вот когда открываешь рот... Я ж от тебя ничего, кроме потоков яда, не слышу. Ты вообще осознаешь, что общаешься со мной, исключительно издеваясь?

– Хм... – он откашлялся. Переступил с одной поджарой ноги на другую. – Я не думал, что мои подколы так уж тебя задевают.

– А меня они и не задевают! Много чести... – по привычке начала Ветка и, тут же себя на этом поймав, ругнулась. – Это какой-то заколдованный круг. Ты меня дергаешь за косички, я делаю вид, будто мне не больно. Хотя это, мать его, не так. Думаю, наш случай должен послужить поводом для какого-нибудь исследования. У тебя нет знакомых психиатров? Налицо явная патология.

– Мы могли бы просто зарыть топор войны.

– Я его и не откапывала!

– Окей. Допускаю, что здесь вина целиком на мне.

– Ты все-таки и впрямь заболел. Может, не будешь пока давать ложных обещаний?

– У меня простуда, а не маразм! – рявкнул Коган. Вета с намеком вздернула бровь.

– Ну, вот. А я о чем?

– А что, друзьям не позволено орать друг на друга?

– А мы друзья? – Вета впиалась в его лицо жадным взглядом.

– Угу. Мир?

Он протянул ей руку. Вета, чуть помедлив, ее пожала. Откашлялась, но все равно, когда она подтвердила – «мир», вышло сипло.

– У друзей нет друг от друга секретов, верно?

– Так и знала, что последует какой-то подвох!

– Просто интересно. У тебя, что, правда после Сивакова никого не было?

– Какой смысл мне врать? Ты же мой доктор.

– А почему я решил, что ты меняешь любовников, как перчатки?

– Ты спрашиваешь у меня? – удивилась Вета.

– Но ведь у меня был повод так думать. Ты сама же его и давала.

– Человеку, который хочет думать о тебе плохо, повод дать весьма легко.

– Хм...

Вета в очередной раз отвернулась. Стащила через голову футболку Когана и нырнула в свой свитер. Она чувствовала себя выжатой и уставшей. Бессонная ночь, изматывающий своей откровенностью разговор...

– Ну, я поеду. Не забывай мерять температуру. И если что – вызывай скорую.

– Вет!

– М-м-м...

– Спасибо за все. Правда. Я... – Коган почесал в затылке, – не ожидал.

– Это потому, что ты совершенно меня не знаешь.

– Может быть. Но эта девушка мне нравится гораздо больше.

Ничего не в силах с собой поделаться, Вета смущенно потупилась.

– Ты тоже ничего. Давай. Звони, если что.

– Направление!

- Да-да, я помню.
- Анализы нужно сдать до одиннадцати!
- Хорошо. Ну, пока. Тебе тоже спасибо.

Вета юркнула в подъезд. Машина совсем остыла. Если она хотела успеть сдать злосчастные анализы и не опоздать к приему, нужно было поторопиться. Подержанный Гетц, который она купила взамен шикарного Мерседеса, завелся и даже довез ее до дома – тридцатиметровой студии в высотной панельке. Большую часть квартирки занимал огромный шкаф, в котором она хранила воспоминания о былой роскошной жизни. Дизайнерские вещи, сумки, ремни... Она продала все на свете, чтобы вложиться в собственное дело, остались лишь вот такие мелочи. А больше у нее не ничего не осталось. Только выплаты по кредитам. Вот бы кто-то сказал ей в школе, что ее жизнь, в конце концов, сложится так – она смеялась бы без остановки. Все же у кого-то там, наверху, отличное чувство юмора. Вета взяла смену белья и пошлепала в тесную ванную. Ей предстоял очередной непростой день.

Глава 4

На прием Вета все-таки опоздала. Хорошо, что на это время была назначена ее школьная подруга – Юлька Быкова, ведь в противном случае можно было нарваться и на скандал. В пациентках у доктора Сандаловой числились дамы весьма избалованные и капризные. Нет, конечно, они ее ценили, не зря же Вета сделала себе имя в сфере эстетической медицины. Но ценили ровно до определенного момента. Стоило ей, как сегодня, опоздать, или, не дай бог, случись у пациентки какое-то осложнение, и все! С виду милые женщины вмиг забывали обо всем хорошем и показывали свое истинное лицо. Они хамили, угрожали и качали права. Словом, вели себя как полнейшие стервы. Давая Виолетте понять, что она им не ровня, так, обслуживающий персонал, грязь на подошвах их модных туфель. Иногда Вете казалось, что так на ней отыгрываются те, кто всегда ей завидовал. Удивительно, но даже теперь, спустя пятнадцать лет, прошедших со дня ареста отца, Виолетте вспоминали ее шикарную жизнь, когда тот был губернатором. И все ее достижения, ту же клинику, которую она открыла, продав все, что у нее было, и нахватавшись долгов, как собака блох, тоже относили на счет Сандалова старейшего и бюджетных денег, что он украл. То, что это совершенно не так никого не волновало. Правда была никому не нужна. Лгал тот, кто сказал, что дети не отвечают за грехи родителей. Отвечают. Еще и как! Даже если счет давным-давно полагалось закрыть. Не зря же ее отец провел в колонии восемь лет и оставил там все здоровье!

– Привет! Извини, что опоздала. Задержалась в лаборатории...

Юль Санна недоуменно моргнула. Будто и не заметила, как Вета вошла в кабинет, заполняя миллионами самых разных звуков его мертвую стерильную тишину.

– Привет.

– Я сейчас карту гляну, освежу в памяти, что мы делали, а ты пока напиши согласие на процедуру, ага?

– У меня вчера к вечеру герпес выскочил. Наверное, ничего не выйдет.

Вета застыла, зажав в руке мышку. Ругаясь про себя на чем свет стоит. И понимая прекрасно, что если у нее в этом месяце отменится хоть еще один пациент, закрыть взятый под строительство клиники кредит будет попросту невозможно. Ну, Юлька! Неужели нельзя было позвонить раньше? Глядишь, она бы и нашла кого-нибудь другого на это время.

– Дай гляну...

Конечно, ни о какой процедуре не могло быть и речи. Но смутило Вету не это. Она обхватила лицо подруги за подбородок и покрутила из стороны в сторону.

– Юль, ты вообще спишь? У тебя все нормально?

– Конечно. Что мне будет? – вяло отмахнулась та.

– Ты обула разные ботинки.

– Что? – Юль Санна опустила взгляд к ногам. На одной – кожаный ботинок на каблучке-рюмочке, на другой – сапог на плоской подошве. Вета подозревала, что с тех пор, как от Юльки ушел муж, та несколько не в себе, но до какой степени – не догадывалась. – И правда. Разные. Ну... Я спешила.

– Юль, – Вета облизала губы.

– Что?! Хочешь сказать, какая я дура? Ну, давай! Не стесняйся. Дура, шлюха... Что там еще обо мне говорят в нашей деревне? – Юля вскочила с кресла и заметалась по комнате, прихрамывая на одну ногу из – за разных по высоте каблуков. Было в этой картине что-то ужасно трагичное. Все равно, что наблюдать за птицей с перебитым крылом. И толку, что Юль Санна сама себе эти крылья сломала, когда изменила Ромке, с которым душа в душу прожила столько лет?

– Я не знаю, что говорят, Юль, но рекомендую поменьше на этом заикливаться. Хочешь, мы вместо инъекций сделаем какой-нибудь легкий пилинг?

– А тебе же это и на руку, правда?

Вета, которая отвернулась к ящичкам, в которых хранились все необходимые компоненты, резко обернулась.

– В каком это смысле?

– Такой мужик освободился. Миллиардер. Думаешь, я не знаю, что ты на него облизывалась? – звонкий Юлькин голос сейчас больше напоминал шипение. Та была явно не в себе, да... Но не сказать, что в ее словах совсем уж не было правды. Нет, конечно, Вета не собиралась уводить Быкова из семьи. Но! В самые тяжелые годы она Юльке действительно завидовала. Недоумевала, как та еще совсем юной смогла рассмотреть в Роме такой грандиозный потенциал и вовремя его к себе привязать. Глядя, как те богатеют, строят дом, как поднимаются шаг за шагом по карьерной лестнице, рожают детей, как это ловко все они совмещают, Вета, конечно, задавалась вопросом – почему кому-то все, а кому-то ничего? С другой стороны, а кто бы на ее месте им не завидовал? Святые люди? Ну, так она не была святой. Однако и такой уж грешницей не была. Виолетта никогда... Никогда не желала им зла.

– Юль, я все понимаю, правда. Но сейчас ты перегибаешь палку. Разбирайтесь с Быковым сами. И не впутывай в это меня.

– Да? Думаешь, я не в курсе, что ты сегодня с ним встречаешься? И как оно? Подбирать обеды за подругой? М-м-м? Или твои финансы в таком состоянии, что тебе все равно?

Вета внутренне сжалась. А внешне, напротив, привыкнув встречать проблемы лицом к лицу, распрямила плечи и ткнула пальцем на дверь:

– Уходи...

– И даже твой интерес к Семену поубавился, правда? Когда на горизонте появилась рыба покрупней.

Семен Краснов был первой любовью Виолетты. Бедный мальчик из неблагополучной семьи, он был не парой губернаторской дочке. Но она любила его, как могла. И всю себя ему отдавала, хотя они встречались тайком, так, словно он стал ее маленьким грязным секретом. Лишь повзрослев, Вета поняла, как унижительно это для него было. Как он страдал, когда она, под давлением родителей, стала встречаться с другим. Правильным и подходящим. Димой Сиваковым. И в этом тоже была своя ирония судьбы, ведь если сравнивать, Семен добился в этой жизни гораздо больше Митьки. Смешно, но действуя из побуждений «как лучше», она всегда ставила не на то... И не на тех. Правда, в этом был и свой плюс. Обжегшись столько раз, Вета усвоила одну крайне важную истину – если на кого-то и можно рассчитывать в этой жизни, то только на себя.

Когда Семен вернулся в их город, Вета, конечно, не смогла остаться в стороне. Слишком много счастливых моментов их связывало в юности. Она кокетничала, потому что этого от нее ждали, она цеплялась к той, кого он по-настоящему полюбил, но в глубине души понимала, что их история осталась в далеком прошлом. И, собственно, ничего от нее не осталось. Лишь сожаление. Лишь горечь во рту от того, что у нее одной ничего в этой жизни не получилось.

– Уходи, Юля. И мой тебе совет – не пытайся переложить вину за то, что ты разрушила собственными руками, на кого-то другого.

– Я...

– Уходи! Иначе я за себя не ручаюсь!

Юль Санна сдулась, будто из нее выкачали весь воздух. Тонкие плечи обвалились, она сгорбилась и пошаркала к выходу.

– Когда ты с ним сегодня увидишься, попробуй убедить его не бросать наш проект. Потому что если он не достроит здесь курорт, как планировал, на твоей клинике можно будет поставить крест. Как и вообще на всем...

Дверь за Юль Санной закрылась с тихим щелчком. Оставшись одна, Вета сделала судорожный вдох и в отчаянии зарылась лицом в ладони. Вложив все, что у нее было, в строительство клиники за городом, она, конечно, сильно рисковала. Но когда Вета услышала о планах Быковых построить здесь совершенно новый курорт, это показалось ей лучшей идеей из всех возможных. Ну, ведь и впрямь перед ней открылись шикарные перспективы занять свободную нишу там, где конкурентов пока не было в принципе. Вот она и уцепилась за эту идею. Бросила на ее воплощение все свои силы. И теперь, когда Быковы надумали разводиться, весь ее бизнес-план затрещал по швам. Она не могла этого допустить. Не могла, и все тут. Именно поэтому Вета и договорилась встретиться с Ромкой! А не по какой-то другой причине, чтобы там Юль Санна ни думала. Более того, компанию Сандаловой должна была составить еще одна их общая подруга. Мариам. Та тоже вложила в это место, открыв неподалеку шикарный устричный бар. А ее муж Женя Кравец планировал войти в проект Быковых инвестором. В общем, к решению проблемы подключилась тяжелая артиллерия, и Вета молилась, чтобы это сработало.

Ближе к семи, закончив прием, Виолетта выдвинулась в бар Мариам. Остальные участники переговоров уже были на месте. Сандалова обнялась с подругой, наметанным взглядом профессионала отмечая ее цветущий вид. Если брак одних ее друзей на глазах рушился, то у других, напротив, креп и процветал.

Глава 5

Тамерлан мог собой гордиться. Большую часть из той недели, что он болел, ему удалось водить мать за нос. А сделать это было не то чтобы легко, ведь Сара Измайловна занимала должность заведующей в соседнем отделении, и виделась с ним регулярно. То в родильном зале, то на летучках у главврача, которые проходили дважды в неделю. Собственно, на этой-то летучке правда и всплыла. Сара Измайловна примчалась сразу после нее и принялась с порога вычитывать Тамерлана на тему того, что он, такой-сякой-неблагодарный, не сообщил родной матери, что находится чуть ли не при смерти. Обычно холодная и отстранённая, как всякий реаниматолог, во всем, что касается единственного сына, она вообще не знала удержу. И перегибала. С опекой, с попыткой контролировать его жизнь, со своими многочисленными советами, которых Там и не спрашивал. Он дни считал, когда сможет выбраться из-под гнета матери и вернуться к работе. А еще, конечно, Коган очень хотел снова увидеть Вету. Ему и теперь иногда казалось, что тот ее визит, их разговоры были не более чем плодом его воспалённого горячкой воображения.

Придя в себя, Тамерлан первым делом позвонил знакомым девчонкам в лабораторию. Между делом поинтересовался, сдала ли пациентка Сандалова анализы. Секунды, что девочки искали в компьютере данные, показались ему вечностью, а ответ «да, сдала» – праздником. Там отбил вызов и подпрыгнул к потолку, рассекая воздух занесенным над головой кулаком. Потом, застыдившись собственного детского, не приличествующего специалисту его уровня порыва, виновато огляделся, будто боялся, что это непотребство мог кто-то увидеть, и, ударив себя по лбу, вновь взялся за телефон.

- Леночка, это снова Коган! Ты мне на почту скинь результаты, ага?
- Ой, доктор, одними конфетами вы не отделаетесь, – защебетала Леночка.
- Не дурак! Понял. Все будет в лучшем виде.

Анализы, кстати, были более-менее нормальными. По крайней мере, те, что сдаются в первой половине цикла. Показатели нормы Коган знал наизусть, но за каким-то чертом сверился на всякий случай со справочником. Он вообще жутко волновался. И сам не понимал, что его тревожит в большей степени. Здоровье Сандаловой или то, что ему удалось узнать в ходе разговора с ней. Скорее последнее. Будучи ужасно дотошным, Коган очень переживал, что упустил нечто очень и очень важное. То, что рушило вообще все его представление о ней.

- Иннокентий, на улице холодно! Одевайся теплей и иди завтракать.
- Коган по привычке послушно нырнул в шкаф и достал кальсоны.
- Поесть я не успею. У меня на семь запись. Подкинешь меня до работы?
 - Кто записывает пациентов на семь?
 - Я, мам, кто ж еще?
 - Доконают тебя эти бабы.
 - Угу. Так ты подвезешь? Или мне такси вызывать?
 - Вот еще! Подвезу, конечно. Только губы подведу. Поешь пока кашу!

Спорить с мамой было себе дороже. Коган поплелся в кухню. Сунул в рот ложку овсянки, украшенную крупными ягодами малины, но увидев, что молоко сбегало и прикипело некрасивыми коричневыми пятнами к натертой до блеска варочной поверхности, схватился за тряпку. Грязь он не переносил ни в каком ее проявлении.

Он успел вымыть плиту и поесть, а Сара Измайловна все подводила губы. Коган бросил полный отчаяния взгляд на часы. Вызывать такси – не факт, что то приедет раньше, чем соберется его маменька.

- Мам, давай быстрее! Я опоздаю.
- Что за спешка? Опоздаешь – подождут.

Нет! Он не хотел заставлять Вету ждать. К тому же ему нужно было привести в порядок свой кабинет. В общем, как-то подготовиться. Может, поставить в вазу цветы?

– Мама!

– Да иду я, иду...

Уже в машине Там протянул руку и, пошевелив пальцами, твердо велел:

– Ключи.

– Какие еще...

– Мама! Верни ключи.

Сара Измайловна состроила глубоко оскорбленную мину, но ключи сыну все же вернула. Дальше они ехали, обсуждая отстраненные темы вроде погоды и последних сплетен, в центре которых был разлад в семье Быковых. Сара Измайловна гадала о причинах, Тамерлан делал вид, что ничего об этом не знает. Меньше всего ему хотелось смаковать подробности чужих отношений. Да и не верил он тем пересудам, что до него дошли. Не могла Юль Санна изменить Быкову. Не могла! И все тут.

– Высади меня здесь.

– А чего так далеко? – удивилась Сара Измайловна.

– Пройдусь.

– Вот еще! Ты только после болезни.

– Именно. Мне полезно дышать свежим воздухом.

Выразив свое неодобрение происходящим громким фырканьем, Сара Измайловна все же припарковалась у тротуара. Там выскочил из машины и поежился. На улице бушевала метель. Ветел бросал в лицо кусочки льда, а холод проникал даже через поддетые под брюки кальсоны. Коган сунул руки в карманы и бодро зашагал к единственному в этих краях цветочному. Дались же ему эти цветы!

Вета опаздывала. Он успел проветрить в кабинете, навести идеальный порядок на столе, включить аппаратуру и приготовить все нужное для осмотра. Ну и, конечно, переодеться в свою самую красивую робу. Он суетился, метался из угла в угол, разглядывая кабинет под всеми возможными углами. Достаточно ли статусно тот выглядит? На этот счет Коган никогда не заморачивался. Ему главное было иметь хорошую современную аппаратуру. Тамерлан в очередной раз приспустил несчастные жалюзи. Отошел, прикидывая, лучше так или как было раньше, когда в дверь постучали.

– Привет. Можно?

– Да-да, заходи. – Он обежал стол, считая приготовленные распечатки с результатами ее анализов. Выругался, наклонился, чтобы собрать те с пола. – Раздевайся. Проходи.

– Так сразу?

Страшно злясь на себя, Там на короткий миг зажмурился. Сделал глубокий вдох, возвращая себе самообладание. Оперся одной рукой на стол.

– Результаты твоих анализов я уже изучил. Они в принципе в норме. Так что лучше бы уделить больше времени самому обследованию.

– Ладно. Прости. Я немного волнуюсь.

Она волнуется? Да что она вообще знает о волнении? У него, вон, руки трясутся! И никак не получается вернуть себе самообладание. Отделив личное от профессионального.

– Начнем с осмотра груди.

Брови Ветки взлетели до самых волос.

– Это точно надо?

«Черт ее дер!» – разозлился Коган. Уж она-то должна была знать, что осмотр молочных желез – стандартная процедура. И, по крайней мере, не ставить под сомнение его профессионализм настолько идиотскими вопросами. Потому что это, мать его так, обидно. Он же не какой-то маньяк, что бы она о нем не думала!

– Да. Вот здесь твое согласие на осмотр. Подпиши, кстати.

– Извини, я...

– Все нормально.

Хотя нормального, конечно, мало.

Коган отвернулся к столу, Вета – к стульчику, у которого все раздевались.

– Я готова.

– Хорошо. Садись на кушетку.

Там сделал глубокий вдох и подошел ближе. До этих пор у него никогда не возникало проблем с тем, чтобы переключать тумблер работа/личное. Оставаясь мужчиной с правильными реакциями на женское тело, на работе Там, тем не менее, никогда не воспринимал то как сексуальный объект. Ни разу... До этих пор. Возможно, этичнее было это все прекратить. Но как? Если ей в самом деле требовалась его помощь?

Коган попытался сосредоточиться на этапах осмотра. Первый – визуальный. Ну, что сказать? Выглядело это даже лучше, чем он мог представить. Все очень аккуратно. Небогато, но и не сказать, что совсем уж плоско. Идеально...

– Жалобы есть? Может быть, уплотнения?

Вдох-выдох, глаза в глаза. Наверное, уже можно было приступить к пальпации, но он не решался ее коснуться. Спокойно, Коган, ты делал это тысячу раз! А может, и больше.

– Нет. Никаких жалоб.

Голос Сандаловой звучал непривычно сипло. Видно, ее происходящее тоже не на шутку волновало. Вот только их волнение имело абсолютно разную природу. Там закусил щеку и осторожно ее коснулся. Золотистая Веткина кожа (без всяких там следов от купальника) пошла пупырышками. Идеальной формы розовые, как лепестки роз, соски сжались в камень и потемнели.

– Холодно, – шепнула она.

Ну, да. Как-то он не подумал об этом, когда проветривал. Так-так, от одного квадрата к другому... Все внимание на кончиках пальцев, чтобы ничего не упустить из-за своей идиотской на неё реакции.

– Теперь ляг.

Просить вытянуть руку не пришлось. Ветка сама все сделала.

– Ну, тут все нормально.

С губ Сандаловой слетел вздох облегчения. Тамерлан мог поклясться, что он вызван самими его манипуляциями, а не ее страхом, что он что-то там обнаружит.

– Теперь кресло. Сначала осмотр. Двуручный и при помощи зеркала.

Обычно он предпочитал разговаривать с женщинами во время работы. По ходу объясняя им, что происходит. Так они чувствовали себя увереннее и меньше волновались. А с Ветой и вовсе было легко. Ведь он мог изъясняться медицинскими терминами и не ломать голову над тем, как их перевести на доступный для обывателей язык.

– Не зажимайся... Ну, что? С виду все нормально.

– Жаль, только с виду, – вымученно усмехнулась Сандалова.

– Я так понимаю, у тебя нет аллергии на контраст?

– Нет. И никаких других противопоказаний к процедуре. Я подготовилась.

– Ладно. Тогда начнем. Может быть немного больно. Но я постараюсь быть очень нежным.

Черт возьми! Это прозвучало интимно. Вета зажмурилась, интересно, поэтому? Там готов был вырвать себе язык!

– Так нормально?

– Угу. Ты говори, что видишь. Нервы у меня крепкие, и в показателях нормы я разбираюсь. Что бы ты там не думал о моих знаниях.

– Вет, я не считаю тебя плохим специалистом. Даже не знаю, с чего у тебя вообще появились такие мысли.

– Да ладно! – недоверчиво протянула та и даже приподнялась на локтях.

– Не дергайся! – шикнул Коган. – Сейчас придется чуточку потерпеть.

– Ой!

– Ну, хочешь, подую?

– Угу. Ты еще оближи! – сквозь слезы рассмеялась Вета. Коган замер, вскинул взгляд темных глаз. Он готов был поклясться, что Вета ляпнула это, не подумав. И уже наверняка сто раз пожалела. Вон, как щеки горят. Тамерлан хмыкнул. Ветка закусилась красивую губу, а потом откинула голову и захохотала.

– Эй. Не дергайся.

– Извините, доктор! Это нервное.

Удивительно, но дальше все пошло как-то проще. То, что они смогли посмеяться над ситуацией, несколько разрядило обстановку.

– Вот салфетки. Одевайся. Я пока гляну результаты предыдущего исследования.

– Ты же их видел.

– А теперь хочу сравнить.

Тамерлану ужасно не нравилось то, что он наблюдал. Но он не спешил озвучивать свои мысли, пока не убедился, что спаек и впрямь стало гораздо больше. А ко всему он обнаружил в матке полип.

– Тебе рассказать, что да как? Или сама посмотришь?

– Теперь ты меня переоцениваешь. – усмехнулась Ветка. – Я в последний раз видела рентгеновский снимок, когда Сиваков мне чуть не сломал руку...

– Что? – застыл с открытым ртом Тамерлан. – В смысле? Он что, бил тебя?

– Да нет... Тоже придумает.

– Тогда что означают твои слова? – чуть перевел дух Коган.

– Однажды он до такой степени нажрался, что нечаянно уронил меня на пол. Так все и вышло. Ну, что там?

– Не очень. Спаек стало больше. Вот эта меня беспокоит особенно... Плюс у тебя в матке полип. Хм-м-м! Ты же не собираешься реветь?

Сандалова смерила Тамерлана надменным взглядом.

– Нет. Это же не приговор? В смысле, не окончательный? В смысле...

– В смысле, с этим можно работать. Вполне. У меня были ситуации и похуже.

– Ладно.

У Тамерлана разрывалось сердце при взгляде на нее такую – бодрящуюся изо всех сил. Он взял Вету за руку, хотя, конечно, никогда не позволял себе ничего подобного с пациентками. Сжал. Та опустила голову еще ниже.

– Вета...

– Ты же мне не врешь? Ну, знаешь, не пытаешься утешить, и все такое...

– Я твой врач, а не священник. Конечно же, я говорю правду.

– Ладно. Значит, ты сможешь мне помочь?

– Конечно. Мы назначим операцию и сделаем все в лучшем виде.

– Операцию? – губы Сандаловой капризно искривились. Он будто снова вернулся в школу, когда она кривила их по любому самому незначительному поводу и задирала нос.

– Ты же не думала, что ее удастся избежать, правда?

– Да, наверное... И что мне делать?

– Соблюдай рекомендации врача. И визуализируй.

– Визуализировать? – Видно, от удивления, Ветка, наконец, вскинула лицо и уставилась на него во все глаза. Голубые, как море, и такие же соленые от затопивших их слез.

– Ну, да. Как ребенок будет зачат. Каким он будет... На кого он будет похож?

Во взгляде Веты зажегся робкий огонек. Крохотный дрожащий язычок пламени разгорелся у него на глазах и в какой-то момент вспыхнул, ослепляя мегаваттами света. Ее губ коснулась мягкая ласковая улыбка. И именно в этот момент Коган окончательно понял, что ее ребенок мог быть похож лишь на одного мужчину. На него.

Видит бог, лучше пусть это будет мальчик. Ведь девочке с такой-то внешностью придется туго.

Глава 6

Закончив с последним своим пациентом, Вета отправилась на ресепшен, чтобы принять у администратора кассу. В то время как у других работающих в ее клинике специалистов рабочий день подходил к концу, лично у нее начиналась вторая смена. Все чаще Виолетта скучала по тем временам, когда ей не надо было думать о зарплатных ведомостях, счетах, закупках, продвижении бренда и таргете... Дернул же ее черт сунуться в настолько сложный и непредсказуемый бизнес! Чего только ей не хватало?

У стойки ресепшена толпились люди. Девочка-администратор, уже переодевшаяся доктора и даже уборщица, которая прямо сейчас вообще-то должна была приступить к уборке. Интересно, что же там у них случилось?

– ... сказали, туда пригнали целый полк спецназа!

– А заложников... заложников много?

– Двадцать человек! Или тридцать.

– Не может быть. Там столько-то и не работает.

– А говорят, было много посетителей!

– О чем это вы? – вмешалась в разговор Виолетта.

– Ой, вы ж еще не в курсе! У нас такое случилось! Жуть... Администрацию-то нашу террористы захватили.

– К-как захватили? – из рук Сандаловой выпали ключи.

– Вот так! Стрельба там.

– Ты это в интернете, что ли, вычитала? – поинтересовалась Виолетта, довольно бесцеремонно отпихивая девицу от компьютера и пододвигая к себе клавиатуру.

– Не-а. У меня брат в полиции работает. Написал. Ой, а вы же с нашим мэром дружите, да? – спохватилась Лиля. – Мне очень жаль.

– В каком это смысле? – похолодела Сандалова. – Юль Санна, что, пострадала?

– Может, и пострадала. Откуда ж мне знать? Там вообще пока непонятно, что происходит. Эй, Виолетта Юрьевна! Вам что, нехорошо?! Анна Сергеевна, Лина Станиславовна... Что делать-то?

Вета осела на стул. К ней тут же подбежали, стали мерять пульс и сыпать вопросами о самочувствии. Все как будто сквозь туман.

– Я просто переволновалась, – вяло отбивалась Вета. – Лиль, это точно? В смысле, твоя информация? Ты в ней на сто процентов уверена?

– Ну, да. Вон, как сирены воют. Слышите?

Лилька помчалась к двери. Настежь ту распахнула и выжидательно уставилась на начальницу. Потянуло холодом и тревожным заунывным воем. Нет, так не бывает! Ну, какие в их деревне террористы? Вета похлопала по карманам, достала телефон и набрала бывшего мужа. Митька не сделал большой карьеры, дослужившись лишь до начальника местной полиции. Так что если кто и мог ей объяснить, какого черта происходит, то только он. Но у Сивакова было постоянно занято.

Что же делать? Вета никак не могла сообразить. Кому звонить, куда бежать? По факту их деревня располагалась в шестидесяти километрах от города. Случись что – скорая приедет не сразу...

– Я поеду к месту! Анна Сергеевна, Лина... Может понадобится помощь врачей!

– Я не могу поехать. Кроме меня, Лешку из сада забрать некому, – возразила одна из докторов. А впрочем, Вета уже ее и не слышала. Схватив куртку из шкафа, она помчалась к машине. Кто-то увязался за ней...

– Виолетта Юрьевна, может, нам хоть бинты взять?

– И шовный! Ань, ну что смотришь?

Они собиралась быстро, как на войну. Как ехали, Ветка не помнила. Она всю дорогу перебирала в уме лекции по хирургии. И молилась, чтобы ей не понадобились эти знания. На подъезде к поселковой администрации пришлось остановиться. Движение туда было полностью перекрыто. Ветка кое-как припарковалась, выскочила из машины с медицинским чемоданчиком наперевес.

– Дамочка, вы куда это? Сюда нельзя.

– Я врач! Кто здесь у вас главный?

– Вета!

– Митька! Что тут произошло?! – никогда еще Вета не была так счастлива видеть своего бывшего мужа. Уж он-то точно мог ей объяснить, что происходит. Свободной рукой она вцепилась в его руку чуть повыше локтя и легонько того встряхнула.

– Да ничего. Уже все нормально...

Из скудных объяснений Сивакова Вета поняла, что один из местных жителей, недовольный решением суда, обязавшим его снести незаконно построенный дом, решил вот таким нестандартным способом то ли обратить на себя внимание, то ли добиться отмены решения, казавшегося ему несправедливым. Юль Санна в качестве козла отпущения была выбрана неслучайно. Ведь именно она, заняв пост главы района, взялась за наведение порядка в этой сфере.

– Так Юлька в порядке?!

– Угу. Ее допрашивают в качестве свидетеля.

– Ясно.

Вета устало растерла лицо озябшими ладонями и глубоко-глубоко вдохнула. Все-таки странная штука – жизнь. Еще совсем недавно она была уверена, что никогда Юльку не простит. Ее и Быкова, который тоже оказался тем еще козлом. Слишком показательными для Веты стали сначала обвинения Юль Санны, а потом – грязные намеки ее муженька. Слишком говорящими. Ну, не могли друзья, настоящие друзья думать о ней так плохо. Ведь что же получается? Они приглашали Ветку в дом, встречали вместе праздники, смеялись, одна – уверенная в том, что Вета хочет увести ее мужа, а другой – искренне веря в ее доступность? И это они называли дружбой? Сбежав в тот день из бара Мариам, Вета не могла не задаться вопросом – а есть ли у нее друзья в принципе? Вывод напрашивался сам собой. И был до слез неутешительным. Нет. Друзей у нее не было. И, может, не было ни-ког-да. Наверное, в какой-то мере она сама была в том виновата. Будучи избалованной и глубоко травмированной, в юности Ветка не отличалась покладистостью и кротким нравом. Люди принимали ее скорее потому, что в противном случае она могла им запросто испортить жизнь. Но в этом не было искренности. Как известно, насильно мил не будешь. Вот она и не была... До сих пор не была. Хотя со времен школы утекло много воды. Она доказала свою преданность дружбе. Да и вообще стала другим человеком. Но вот ведь, как получается... Виолетта до такой степени была им всем неинтересна, что этого так никто и не разглядел.

Ну, вот! Стоило ей об этом подумать, как опять подкатили слезы. Вета шмыгнула носом, задрала лицо к темному, затянутому тучами небу.

– Виолетта Юрьевна, раз мы не нужны, может, вернемся в клинику? Времени десятый час...

– Да, Анна Сергеевна. Конечно.

– А ты что, примчалась сюда всех спасать? – спросил Сиваков с неприкрытым весельем в голосе. Вета с силой закусила щеку, чтобы не ответить ему какой-то резкостью. Понурила плечи и молча поплелась к своему Гетцу.

Да, она примчалась спасать. И пусть он хоть лопнет от смеха. Она не станет обесценивать себя. Не станет. Не станет... Не станет! Но как же, черт его дер, это тяжело!

– Вет!

– Семен? – Вета обернулась. Краснов размахисто шагал ей навстречу.

– Как хорошо, что ты здесь!

– Правда?

– Конечно. Пойдем со мной. Юль Санне сейчас не мешает разговор с другом.

Вета неуверенно провела ладонями по бокам.

– Мне нужно прежде отпустить своих людей, – Вета кивнула на нетерпеливо переминающуюся с ноги на ногу Анну Сергеевну.

– Конечно. Я не подумал. Спасибо за готовность помочь.

Вета почувствовала, как ее заледеневшие щеки немного оттаивают. И даже смогла выдавить из себя улыбку. В разноцветных пульсирующих огнях мигалок полицейских машин Семен выглядел каким-то совершенно нереальным. Нереальным было и то, что он, тот, кого она обидела в юности, пожалуй, больше всего, единственный отнесся к ней с уважением и пониманием. Они всегда были на одной волне с этим мальчиком, превратившимся во взрослого бесстрашного мужчину.

– Ты всегда думал обо мне лучше, чем я того стоила, – зачем-то прошептала Вета.

– Неправда.

– Да-да. Ну, мы поедем.

Взмахнув на прощанье рукой, Вета вышла из-за оцепления, убедившись, что Анна Сергеевна идет за ней.

– Как же хорошо, что наша помощь не понадобилась.

– И не говорите, – вздохнула Вета, хотя любому разговору сейчас она бы предпочла тишину. Благо Анна Сергеевна, тоже несколько пришибленная происходящим, остаток дороги молчала. Высадив коллегу на парковке клиники, Вета снова покатила к администрации. Семен сказал, что Юль Санне не мешает разговор с другом... Зачем она туда ехала, если уже решила, что таковым для нее не является? Бог его знает. Может, хотела убедиться, что Юлька, у которой друзей было и в самом деле много, не останется с какого-то перепугу одна.

Юльку, растерянную и несчастную, ставшую, кажется, еще меньше ростом после всего произошедшего, Вета увидела на парковке. Та стояла у своего шикарного Мерседеса, не спеша в него сесть.

– Юль...

– Вета? – Юлька обернулась.

– Я примчалась, как только обо всем узнала. Думала, если что, мои руки лишними точно не будут. Хорошо, что они не понадобились.

– Да...

– Знаешь, думаю, тебе сейчас не нужно садиться за руль. Я тебя подброшу. Ты ведь домой собиралась?

– Угу.

– А Роман в курсе или...

– Да, он был здесь. А потом поехал домой, чтобы успокоить детей.

– Ясно. Так тебя подвезти?

– Не знаю, – Юль Санна сглотнула. Растерла лицо. – Я боюсь туда возвращаться. Просто боюсь. Вдруг вернусь, а его там нет? Опять нет... И что мне тогда делать?

Вета сглотнула, понимая, что Юль Санна разговаривает скорее сама с собой, чем с ней. Опасаясь опять нарваться на упреки, которых она не заслужила, и которые теперь, когда она почему-то до невозможного истончилась, могли ее окончательно поломать.

– Знаешь, умные люди говорят, что ожидание смерти намного хуже ее самой. Но если ты не хочешь возвращаться, мы могли бы поехать ко мне. Сделать маску на лицо, и массаж головы...

– Звучит отлично, – с губ Юльки сорвался задушенный всхлип. Ее так сильно колотило, что это было заметно даже впотьмах. – Жаль, не получится. Ты же понимаешь, малышня волнуется и...

– Да, конечно. Поедем. Я тебя отвезу. Не обещаю, что с комфортом, но в лучшем виде – можешь быть уверена.

– Почему ты со мной возишься? Я же не заслужила этого... Столько всего наговорив.

– Потому как, что бы ты обо мне ни думала, я считаю тебя подругой. И мне не все равно, что с тобой будет.

Юля всхлипнула. Яростно растерла лицо.

– Извини меня.

– Извиняю. Так мы поедем? Я уже окоченела.

– Да, холод ужасный.

Обсуждая погоду, две подруги, которые, кажется, стали только ближе, прошли через стоянку к маленькой машинке. Забрались внутрь, синхронно хлопнув дверьми.

– Мне как будто снова двадцать три, – влажно рассмеялась Юль Санна. – Помнишь мою первую машинку?

– Матиз?

– Угу! Роман мне его подарил к окончанию универа. – Юля прислонилась лбом к стеклу. – Мы тогда были так счастливы. Так безумно счастливы, а теперь... Знаешь, о чем я думала, когда этот придурок ворвался ко мне в кабинет с дробовиком? Что, может, так даже лучше...

– Юль, ну, ты чего, эй? – Вета бросила на подругу короткий обеспокоенный взгляд и снова уставилась на дорогу.

– Ну, а что? Вот пристрелил бы он меня – и все. Закончились бы мучения. Я же не могу без Романа, понимаешь? Я дышать без него не могу... Пытаюсь, что-то делаю, барахтаюсь, встаю, что-то ем, куда-то еду. А все равно не живу. И ничего не радует. Ни дети, ни дом, ни свобода, которой, казалось, мне так не хватало. Особенно она!

– Юля...

– А я ему не изменяла. Могла, да. Не буду скрывать. Одно время как будто наваждение какое-то со мной случилось. Но в тот день, когда Роман нас якобы застал, я как раз хотела сказать... ну, тому, другому, что ничего у нас не будет. Что не смогу я... Вот так. Ты мне веришь? – Юль Санна сжала руку Веты на коробке передач. – Пожалуйста, скажи, что веришь... Мне нужно, чтобы мне кто-то верил. Иначе я просто сойду с ума.

– Ну, конечно, верю. Зачем тебе врать?

– Не знаю. Быков думает, что так я хочу себя обелить. Он... слышать ничего не желает.

– Он приехал, когда с тобой случилось несчастье. Как мне кажется, это о многом говорит.

– Знала бы ты, как я хочу в это верить.

Вета сбавила скорость, вошла в поворот, ведущий в тупик, и припарковалась у ворот шикарной усадьбы Быковых.

– Хочешь, я пойду с тобой?

– Хочу. Но не могу себе позволить за кого-то прятаться. Мне нужно справиться с этим самой.

– Рома чуть было не потерял тебя. Думаю, это заставит его многое переосмыслить.

– Дай-то бог. – Юль Санна зажмурилась, толкнула дверь, и как раз в этот момент во дворе усадьбы вспыхнули фонари.

Глава 7

Он ослепил. Этот свет. На миг Юля зажмурилась. Но глаза все равно резало, будто в них толченное стекло набилось.

– Мама? Ребята, это мама!

Чтобы еще больше не напугать и без того встревоженных детей, плакать было нельзя ни в коем случае. Но почему-то привычный контроль ускользал. С губ рвались даже не всхлипы, а дикий звериный вой. Была одна зима, когда волки подобрались к деревне так близко, что их вой можно было услышать. Так вот, выла она примерно так, как эти самые заблудшие и оголодавшие волки.

– Мама! Мама...

– Мамочка!

Все трое... Все трое выбежали ей навстречу! Даже старшая Кира, которая в последние дни то вообще не разговаривала с матерью, то, растирая слезы по щекам, кричала:

– Это ты виновата! Ты... Если бы не ты, папа бы не ушел!

Старшенькую, Киру, Юль Санна родила через несколько месяцев, после школьного выпускного. Даже в мыслях Юля не любила возвращаться в то время. Время, когда две полоски на тесте едва не сломали её – хорошую девочку, лучшую ученицу школы, мечтающую вовсе не о пеленках. Юле невыносимо было осознавать, что если бы не Бык, который, узнав о ее беременности, ни на шаг ее от себя не отпускал, вероятно, не было бы никакой Киры. Вообще ничего бы не было! Ни счастья, ни детей, ни всех этих лет... Юля находилась в таком шоке, что ее матери не составило бы труда уговорить ту пойти на аборт. Так что Киру Ромка у судьбы буквально зубами выгрыз. Откуда только силы взялись? У совсем зеленого пацана... Он же ни секунды не думал. Вообще ни секунды, да. Сказал – рожаем, я со всем, со всем справлюсь, и как отрезал. И справился ведь. Рома... Роман, Ромашка... Как же она так? А он?

– Мама! Все хорошо? Ты где была так долго?!

– Разве папа вам не сказал?

– Он сказал, что к тебе в офис ворвались хулиганы, но в интернете пишут... – Матвей осекся и виновато оглянулся за спину, на отца, который вышел вслед за детьми из дома.

– А ты не читай всякие интернету. Сколько тебе говорить?

Юля попыталась, чтобы ее голос звучал нормально. Может, ей это и удалось. Она не знала, не найдя в себе сил отвести глаз от Романа... Нет, конечно, ее жизни всерьез ничего не грозило. Подумаешь, пьяный идиот, которого суд обязал снести дом, ворвался к ней в кабинет с дробовиком! Может быть, ей даже самой удалось бы с ним справиться, заболтать, но... Чего уж теперь? Она была рада, что ей помогли. Но больше всего рада тому, что Рома приехал, как только узнал о случившемся. Испуганная и надломленная, она потянулась к нему всей душой. А он отвернулся. Тот момент, когда он опять от нее отвернулся, убедившись, что с ней все хорошо, был вторым самым страшным в ее разваливающейся на части жизни. Юль Санна как раз объясняла случившееся освободившему ее Краснову, когда увидела мужа. Их взгляды встретились, Роман развернулся на пятках и пошел к выходу, тяжело ступая, будто каждый шаг давался ему с трудом.

– Рома!

Быков остановился. Его поникшие плечи напряженно замерли. Не уходя, но и не возвращаясь, он стоял посреди комнаты.

– Ромочка, пожалуйста, не уходи... Ромочка...

Юлька рванула вслед за мужем, а тот не пошевелил и пальцем. Благо хоть, когда она упала в его объятия, отталкивать не стал. И даже накрыл затылок своей теплой широкой ладонью. То

ли желая ее защитить, то ли оторвать голову. Да ей и все равно было. Она была готова на что угодно. Даже умереть. Лишь бы с ним. Потому как без – она и так умирала.

– Пойдемте в дом! Вы же раздетые, – спохватилась Юля, стремясь обнять всех детей сразу.

– Я загоню машину, – отвел взгляд Бык. С тех пор, как он застал их обнимающихся с Русланом в ее кабинете, Роман, кажется, еще ни разу не посмотрел на неё прямо. Хотя он и в кабинете-то был не очень внимателен. Иначе бы заметил, что Юля пыталась оттолкнуть того... другого. Который никак не хотел понимать, что между ними ничего и никогда не будет.

– Нет машины. Меня подвезли, – облизав пересохшие губы, заметила Юля. Обвела детей удивленным взглядом. Уж слишком напряженно те следили за разговором родителей. Будто ждали чего-то.

– А...

– Вета подвезла.

Быков развернулся и пошел в дом. Может быть, ей не стоило уточнять? Но что, если бы он подумал, будто она была с тем мужчиной? Ей теперь, наверное, всю жизнь придется оправдываться. Но даже если это цена за возвращение Романа в семью, Юль Санна не имела ничего против. Она и не такую цену готова была заплатить.

– Так ты правда в порядке?

– Конечно, Ксюш. Что мне будет? Смотри, целая и невредимая. Вы, кстати, ужинали?

– Нет.

– Ну, как так? Пойдемте. Я вас всех накормлю. Только переоденусь, ладно?

Дом встречал знакомыми ароматами. Дети все никак не хотели от нее отлипнуть. Особенно младшая Ксюша. Третий ребенок тоже стал для Юли с Романом сюрпризом. Второго они родители уже вполне сознательно, встав на ноги. И на том планировали остановиться. А потом Ксюшка, и... Может, с того момента что-то пошло не так? А может, ей это только привиделось? Многие ведь решили, что она бесится с жиру. Наверное, так это и выглядело со стороны. Ведь, казалось бы, что надо бабе, у которой хороший заботливый да к тому же богатый муж?

– Бегите к папе, начинайте накрывать на стол, – вымученно улыбнулась Юля, мягко отводя от себя руки младшей дочери. Поднялась, не снимая пальто, наверх, провожаемая пристальным взглядом старшей. Которая хоть и волновалась, вряд ли стала снисходительней к чужой слабости. У подростков ведь вообще нет полумер. А она дала такой повод...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.